

83

**КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА**

**ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»**

**ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА
В. И. ЗАСУЛИЧ и Л. Г. ДЕЙЧА**

СБОРНИК № 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Р. П. В.
1924

3
283-1

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

[1923]

ПИСЬМА В. И. ЗАСУЛИЧ К КРАВЧИНСКОМУ (СТЕПНЯКУ) И ЕГО ЖЕНЕ ФАНИИ МАРКОВНЕ.

(1888 и 1889 г.г.)

I.

Божи над Клараном.

8 октября поздно вечером [в 1888 г.].

Дорогой Сергей и Фанничка, вернулась я сегодня из Морне, где пробыла 4 дня (раз надо было быть в Женеве) и так скверно на душе, что решительно ничего не могу делать другого, как писать письмо и писать о Жорже, а именно вот почему, что, кроме Павла, вы, кажется, сочувственнее, нежнее к нему относитесь. Ему понемногу становится все хуже и хуже. В начале болезни недели две-три тому назад лихорадка была не ежедневно и не выше 38. Теперь ежедневная по вечерам и доходит до 38,8. Он все худеет и худеет. Уж и доктора давно перестали говорить о бронхите. Впрочем, там теперь никого и не осталось, кроме Розы.

Вы, вероятно, удивляетесь, отчего я не живу в Морне, коли так беспокоюсь? Некуда там деваться. В прошлом году не было прислуги, и мое убежище было в кухне, а теперь она занята прислугой и приходится нанимать там поденно комнату, что выходит дорого. Да и делать мне там в сущности нечего. Роза не занята. Ей еще остается писать диссертацию, но она не спешит с нею. Да и Жорж совсем какой-то другой, чем в прошлом году. Тогда, во время болезни, он был очень требователен, все что-нибудь выдумывал для своего облегчения, а в промежутках всегда желал, чтобы ему что-нибудь рассказывали или читали. Теперь ничего он не требует, почти не ест, т.-е. мало ест. Лежит себе

и молчит. Совсем не раздражителен, как был в прошлом году, но гораздо мрачнее настроен. Тогда, пока он был болен, до самого Давоза, он не подозревал опасности, не думал о чахотке, а теперь он уверен в ней и, повидимому, настроился на полную безнадежность: все равно, мол, умру, и нечего бороться с болезнью! Я-то этого не думаю. Положим, чахотка, но он может поправиться, болезнь может остановиться. Но скверно, что он так настроился. Вот хоть бы с едой. В прошлом году он старался-есть, выдумывая себе кушанья, если не хотелось того, чего дают. Теперь преспокойно не ест, коли не нравится, и не просит ничего, не критикует. И меня и его, вероятно, пугают воспоминания о Мечникове. Он умирал в Кларане у нас на глазах. Ведь только в апреле доктора решили, что у него чахотка, хотя заболел он давно. Какой он ужасный был, Мечников! Все яду требовал не только у своих, а у первых попавшихся на глаза, у меня в том числе.

Ваша Вера.

II.

Без даты. (Вероятно, в 1888 г.)

Из Божки над Клараном.

Милая Фанничка, видите, как быстро принимаюсь я отвечать под влиянием здешней скуки. Лиза переехала в горы, осталась я при Л. А с ним у нас идет упорная борьба: кто кого перехитрит, — он ли изловит меня и промучает часа два разговорами, я ли во-время улизну. И такая у меня развилась чуткость, что сижу я постоянно почти дома и все же успеваю, иной раз дней 5 подряд, справиться, как только он в своей комнате, через 2 дома, наденет шляпу, чтобы идти ко мне. Устраивает он мне также засады по дорогам, но я и тут часто увертываюсь, помогает то, что он близорук, а я дальнозоркая. Здесь во всей округе всею швейцарцам известно, что он стал [страшно богат], и все стоят перед ним на коленях. Получает наследство его жена (она уехала с детьми, — двое у них, — в Россию), сколько именно, еще неизвестно, но не мало. Пока-то у Л. больших денег нет, — так где-то запрятано несколько сот франков, но он уже заранее стал отвратителен. К вранью его я давно привыкла и относилась снисходительно, но теперь, зная, что мне очень нужны деньги и опасаясь, как бы я у него не попросила (хотя я у него от роду не просила), он считает долгом вечно ныть передо мною, что ни сантима у него нету, приходит даже табаку попросить; не на что,

мол, купить, а потом вдруг невзначай сам же проявит сотню, другую франков и тогда впопыхах изложит, одно за другим, с полдюжины друг другу противоречащих объяснений, — откуда взялись у него эти деньги. За последние месяцы уже раза три с ним были такие истории. За это-то я от него и прячусь. Но, с другой стороны, он невольно охраняет меня от кредиторов, успокаивает их одним своим миллионерским существованием. А не то бы отсутствие у меня вещей и оборванность костюмов привело бы их давно в трепет, а теперь они молчат, еще и не начинали кричать. Многие теперь разбогатели, и все по 150.000, по 200.000 рублей. Катя Туманова, Лиза Дурново и все проявляют, говорят, страшную жадность, за Лизу — Ефрон, конечно.

Жорж приобрел здесь, по его собственному выражению, сходство с поповой лошадю, которую кормят хлебом. Так похудеешь, конечно. Проявляются у него следы болезни только в том, что не может много говорить, лазить на горы и т. п. Он продолжает думать (Давозекский доктор ему наговорил), что у него-таки есть процесс в легких. Есть ли, нет ли, а это, по-моему, не вредно, что он так думает. В хандру он от этого не впадает, а больше бережется.

Сумасшествие Тихомирова, наверное, такая же выдумка, как и то, что его чуть ли не к награде представили и что он едет, а раз говорили даже — уехал в Россию. Ничего подобного нету, Никандр ¹⁾ несколько дней тому назад был у Тихомирова и в восторге от него. Ему-то именно и нравится его нереволуционность. Мне она не нравится, а все же я не вижу права поносить его личность так, как это делают хоры народоволят (гордых тем, что предки Рим спасли, но в свою очередь спасать его намерений не высказывающих, — все студенты и барышни). От чего он отрекся? От террора, но террора для террора он никогда и не проповедывал, а думал, что с его помощью И[сп]. К[ом.] захватит власть и, устранивши вредные влияния на общину, даст ей возможность превратиться в рай. Ну, если ему община, ее будущее, действительно, важны, разве не должен был он за последние годы извериться в возможности осчастливить ее своевременно, пока не разложил[ся] через террор? А тут, должно быть на грех, прочитал какую-нибудь восхвалительную биографию Киселева, где было умолчено, сколько засечено крестьян при введении их

¹⁾ Мощенко, земледелец, муж «маленькой Лизы» (Хотинской).

устава. Ну, он и думает теперь, что 2-й Киселев менее утопичен, чем захват власти посредством террора, думает и говорит. Это очень печально, но кричать ему: «вы должны повеситься», «изменник», «нравственное ничтожество» и т. п., не за что и, право, очень гадко. Я, как прочитала эту брошюру (2-ю народовόлят), долго искренно думала, что ее писали Кун и Грюн (шпионы литературы). Аптекман (он в Мюнхене) тоже по телеграмме даже спрашивал: не шпионы ли ее писали? Ну, наболтала я целый лист, смотрите же, пишите. Целую вас и Сергея.

Ваша Вера.

III.

Божн [1888].

Дорогая Фанничка, у меня тут произошло много преобразований. Л. недели две как уехал в Берн, затем в пустынное прежде Божн наехало по случаю вакаций много каких-то шалопаев обоего пола из Парижа, т.-е. может и не шалопаи, но ужасно шумный народ, веселятся; я не знакомлюсь и не выдаю поэтому также и Лизу, она с ними теперь. Повидимому, все улучшения в моей судьбе, но до сегодняшнего утра мне приходилось жалеть об отсутствии Л. Как я и предчувствовала, лишь только перестала падать на меня тень от его воображаемых миллионов, главная моя кредиторка, у которой я обедала, потом бросила, чтобы не растить долгу, пришла в страшную тревогу, принялась всех расспрашивать, да видали ли меня? Да не уехала ли я или не собираюсь ли в Россию? И бесила она меня всей этой суетней до бесконечности. Но сегодня мне удалось схватить 75 франков и зажать ей рот. Поэтому и принялась отвечать на письма, для своей забавы. А то никому и не писала это время, — так она меня злила, хотя ведь и знала, что по-своему она совершенно права. Но не привыкла я к кредиторам и их преследованиям; я обыкновенно ухитряюсь никому не быть должной, кроме квартирных хозяек, а их выбираю обыкновенно добрых, — у меня на это чутье есть. Теперь это меня адвокат ¹⁾ выручил, тот самый, что заказал нам сборник. Сборник ему был обещан к концу апреля, а его вот еще и о сю пору нет. Другой бы на его месте давно нас съел, так что мне об нем даже думать было совестно, а он вместо того, чтобы

¹⁾ Адвокат—Кулябко-Корецкий—снабдил группу «Осв. Тр.» средствами на издание сборника «Социал-Демократ». Л. Д.

съесть, взял и прислал 200 франков, из которых я и схватила 75. Этакая милейшая слепая тварь, с длиннейшей бородой чуть ли не по пояс и круглой шишечкой вместо носа. Но сборник, однако, выходит, повидимому, на этой неделе. Ну, конечно, у меня к нему пристрастие, но все-таки кажется, что и он выйдет милейшей тварью—вот увидите. Хотя, вероятно, лучше послать вам его, когда вы с Сергеем окончите свой роман, чтобы могли вы прочесть его с должным вкусом. Если бы мне теперь еще послал бог хоть 75 франков для хозяйки, то можно бы мне и уехать отсюда, оставшись немного должной, но в самых приличных размерах. Тихомиров меня очень занимает, и я с нетерпением жду его брошюры, которую он, говорят, пишет под заглавием: «Почему я перестал быть революционером?» Но если он заговорит в ней «по душе», то она может оказаться, действительно, вредной. В предисловии он просто декретирует прекращение революционности, а этим никого не проймешь, кроме таких, кому и без того революция до смерти «обридла». Да, поступок его во всяком случае вредный (хотя, вероятно, не в его глазах, вредный), но не нечестный? А ему, по всему вероятно, казалось нечестным не заявить о перемене своих взглядов, раз они изменились помимо его воли и раз он серьезно относится к идеям, к теориям. Из-за чего же иначе мог он это сделать? В награды, в прощение ни за что я не поверю, пока не увижу это на факте. Проживши до сорока с лишним лет бескорыстным деятелем, вдруг пустить свою душу в продажу, да еще такую. Этого не бывает. Времена, правда, мрачные, много народу подают втихомолку прошения царю и едут на места в Россию. Но те люди другого калибра, их занесло движеньем, куда по натуре им можно бы и не ходить. А он инициатор, его не несло, а он сам двигал.

Ну, опять заговорилась о Тихомирове. Жорж не пишет, здоров, а все только о сборнике, который ему ни днем, ни ночью не дает покоя, все он о нем думает. Крепко целую вас и Сергея.

Ваша Вера.

IV.

Божи над Клараном (1888).

Милый Сергей, месяца полтора тому назад или около того вы обращались ко мне за «спокойными и обстоятельными» сведениями о Жоржевом финансовом положении. Я тогда, как теперь

оказывается, дала сведения чересчур оптимистические. Лиза так обжилась здесь, что все сплетни и все разговоры о жильцах всех хозяек Божы и Тавеля непременно доходят до ее слуха. Так вот дошло до ее слуха, что хозяин Жоржева пансиона ходил к Рек'у (прошлогоднему хозяину Жоржа) спрашивал, хорошо ли он ему платил (а он, оказывается, не доплатил 25 франков) и грозился, что дальше молчать не намерен, так как он ему, мол, 500 франков должен (500, вероятно, не должен, но более 400 должен). Я сегодня только это от Лизы услышала и спешу сообщить именно потому, что слишком оптимистично тогда написала. По Лизиным тоже справкам хозяин пансиона — человек сурьезный, шутить не любит. Надо, по крайней мере, иметь возможность с уверенностью сказать ему какой-нибудь срок. Хорошо бы, конечно, сделать немедленную подмазку. Затем Роза нашла прошлогоднюю квартиру в Морне и перевозит уже туда Рептилей ¹⁾, хотела бы, конечно, перевезти и Жоржа, но хозяин без уплаты его не пустит. Жорж много работает (я помогаю вроде секретаря), пишет отличные статьи (вот увидите) и здоров. Парень ²⁾, которого произведения я думала устроить в английской печати, уже порядочно набирает и пока, значит, зарабатывает адвокатские деньги ³⁾, но, несчастный мальчишка, успел уже (глядя на весну) влюбиться и жениться на студенточке, получающей от родителей меньше 50 франков (20 руб.) в месяц. Пара! Ему 21 год, а ей 18. Евречка, и как родители проведуют, что связалась с русским, проклянут, вдобавок [лишится] и 20 рублей. Я тоже застряла здесь в надежде на свою Пруссию (печатают уже ?) и благодаря этому ужасно отъелась. Не в пансионе, конечно, но на отличных франковых обедах.

Кроме нас с Жоржем и Лизы никого здесь нету. Лизин Никандр уехал в Париж шить сапоги. Лиза была больна, но теперь опять поправилась. В Женеве, говорят, большой шум по случаю Тих. предисловия и ответов на него, — ответов, по-моему (второй, особенно), отвратительных. Крепко целую вас и Фанничку.

Ваша Вера.

---

¹⁾ Так мы прозвали детей Плехановых. Л. Д.

²⁾ Имеет в виду Говорухина. Л. Д.

³⁾ Т.е. деньги, данные адв. Кулябко-Корецким на Сборник «Социал-Демокр.».

V.

[1888 г.]

Дорогие Сергей и Фанничка, пишу только, чтобы покаяться относительно Тих[омирова] и поделиться своим бешенством. Вот уже 2 ночи, как я прочла его ответ и от злости спать не могу. Нет, что и говорить, ему обеспечено место в министерстве, и такого злого врага еще не было у радикалов, каким будет он.

Если те, что писали против него ругательную брошюру, заранее знали содержание его ответа, то были правы и только жаль — безграмотны. Это чистейший Катков по злости, только в 10 раз глупее и описывает нравственное и умственное падение революционеров не своими словами, а заимствованными из повестей «Русского Вестника». Да и пяток у него, *наследственного монарха, главы православной церкви*, Катков никогда до такой степени не вылизывал. И ведь непохоже, чтобы с ума сошел: тон спокойный, и логика оставляет его лишь, когда заговорит о самодержавии.

Сверстников (нас с вами в том числе, значит) он приглашает себе содействовать в искоренении крамолы и намекает, что все в сущности с ним согласны, только из трусости помалкивают.

О, что это еще за чертовщина пошла? И ведь, верно, что не мало найдется «сверстников», которые лишь с крайностями его брошюры не согласятся. Вот тем-то и хорош марксизм, что не требует он веры, невозможны при нем и такие перемены «вероисповеданий», мгновенные перекувыркивания кверху ногами.

Я все еще сижу у моря и жду погоды. В буквальном-то смысле она установилась очаровательная, а в переносном — все скверно.

Ваша Вера.

VI.

Голубчик Сергей, отлично знаю, что давно бы (уже с неделю) пора ответить вам, но всю эту неделю у меня было переписыванское бешенство. Секретарша у Реклю теперь Кончевская. Она запустила работу и перед выходом тома у нее накопилась масса выписок, которые нужно сделать. Мне их предложили делать (по 20 сантимов страницу), я принялась было писать часов по 5 в день. Ну, тут одновременно пришло ваше письмо, и Реклю

подумал взять еще второго переписчика, ибо я не успевала достаточно много ему переписывать. Тут на меня и напало бешенство и пообещала переписывать за двоих и неделю писала по 50 стр., франков на 10 в день. Послезавтра он уезжает в Париж издавать свой том. Самое нужное уж переписано, и я опять спустила свое рвение,—все равно скоро кончу все.

Все-таки эта работа вышла очень кстати. Вот три недели, как мы с Жоржем на нее кормимся (кроме обеда, который он берет в пансионе в кредит) и еще остается на следующий месяц, если не потребуют уплаты в пансионе. Розины дела уладились: и из Морне перебралась, и в Женеве порасплатилась. А для одного Жоржа-то всегда где-нибудь выпарапаю денег. Хотя несколько раз уже он у меня начинал бунтоваться и ехать в Женеву, но пока усмирился. Он здоров, т.-е. нет лихорадки и съедает сколько не дай за ужином, который я сама стряпаю, хотя перед этим обедает в пансионе, где отлично готовят,—имеет, значит, аппетит.

К большому своему огорчению, хоть убей, ничего не знаю о Кутитонской и Армфельд, не знаю и о текущем движении, т.-е. мне кажется—знаю, что его не существует в таком виде, чтобы можно о нем что-нибудь писать. Продолжают образовываться кружки зеленой молодежи,—в меньшем количестве, чем прежде, но продолжают,—да только не пускают хоть бы самых малейших пустить корни, сейчас же исчезает с лица земли. Нелегальная статья совсем исчезла, не умеют жить нелегально, а легально ведь и прежде действовать почти было невозможно, а теперь тем более. Направление продолжает преобладать народолюбческое, но, говорят, и самоуправление приобретает сторонников. Существуют даже последователи «Свободы» (видали вы ее?), хотя чему там следовать, решительно не знаю.

Читали вы в октябрьской книжке «Русского Богатства» письмо «из ссылки»? Рассказываются страшные мерзости (вслух читать нельзя) о ссылных, едва изменяя фамилии. Рассказывает раскаявшийся ссылный. Никандр его знает и всех, дело идет о том городе, где и он был и сестры Фаннички. «Новое Время» с радостью заявляет, что с почину Тихомирова нам, очевидно, предстоят целые ряды разоблачений из этой среды. Это тоже, вероятно, ни для каких корреспонденций не годится.

Не очень горюйте, милый Сергей, что не удалось помочь Жоржу. Будем стараться как-нибудь вывертываться, и вы еще, мо-

жет, что раздобудете. Нельзя ли раздобыть в Лондонских библиотеках *Таксиль Делора* («Историю второй Империи») на прочтение? Жорж говорит, что вы ему писали, что всякие книги можно. Если б дело стало за сантимчиками на подписку, то я могу и выслать. Теперь, пока у меня есть работа, 5 франков представляются мне не более, как в виде 6—7 часов работы, и я чувствую что могу за эту [«Историю»] проработать столько, так как она мне нужна. Крепко обнимаю вас.

Ваша Вера.

VII.

Божн. (1889 г.)

Милый Сергей и Фанничка, уж давным давно ничего я о вас не слыхала и соскучилась. Напишите хоть маленькое послание, тем более, что я уже с месяц как больна и не то чтобы как-нибудь больна, а по всей форме, почти сплошь лежу (хотя и одевшись, так как живу одна), была даже у доктора. Он нашел не особенно большой плеврит и сердце слишком «раздражительно», но говорит, что это все не важно, а хуже мое общее состояние, — и действительно, я иной день так бываю слаба, что трудно по комнате пройти. Но не думайте, что это я пищу (острой боли у меня никакой нет, а слабость не неприятна), ей-богу с тех пор, как я больна, у меня даже как-то спокойней на душе. То все в глубине души немного серднишься на себя: мало делаешь, мало смысла в существовании, а больному так и полагается жить без всякого смысла, и я преспокойно живу в свое удовольствие. И не то, чтобы за мной ухаживали, что бывает иной раз приятно непривычному человеку. Нет никто и не ухаживает и заходит время от времени одна Лиза (Жорж вторую неделю в Женеве), поставит банки или вымажет чем-нибудь меня, а остальное время лежу себе одна на спине и что-нибудь трудное читаю. Прочла в первый раз в жизни полного Дон-Кихота и совершенно в него влюбилась, этакое очаровательное создание и, право, немного сродни нам, старым радикалам. И материальное мое положение тоже с болезнью улучшилось. Реклю заботится, чтобы у меня были обеды и вино. Я ведь у него работала осенью, и он с тех пор все поговаривает о прискании мне работы. «Посмотрел в глаз» (помните, у Толстого в статье по поводу переписи), ну, его и беспокоит с тех пор моя судьба. И теперь уже, кажется, решено найти мне работу. Но пока, впрочем, я уже с этих страничек успела

устать. Жорж с осени ни разу не хворал и на вид опять здоров, будто. Печатаем теперь его брошюру о Тихомирове и мне кажется, по форме лучше всех его статей. Интересно, как вы найдете? Ну, напишите же, крепко вас целую.

Ваша Вера.

Жоржу как-то вернули ваше письмо к вам с надписью, что нет № 13, но это же чистый вздор, сколько раз писала же я.

Пишу без марок, потому что сама не дойду до почты, а марки, так как они не относятся к болезни, то все и каждый забывают купить. Это уж ничего не поделаешь.

VIII.

Бези. [1889 г.]

Милый Сергей, как видите, отвечаю тотчас же, и нельзя сказать, чтобы не помня зла. Я не могла себе представить, чтобы вы не отвечали мне по доброй воле и настолько беспокоилась о вашей пропаже, что дошла до попытки навести о вас справки через Кончевскую у Драгоманова, хотя имею массу личных и немного политических причин ненавидеть его больше, чем когда-либо. Спасибо за рекомендацию нас Лафаргу. Мы действительно на-днях получили от него письмо и все совещались, что ответить, так как представителями рабочих явиться формально мы не можем. Ваше письмо вывело нас из затруднения. Я так и отвечаю Лафаргу, что, мол, от Степняка вы уже знаете о нашем положении. Если в июле здоровье Жоржа будет, как теперь, то с этой стороны препятствий не будет. Скорее со стороны денег. Чтобы на свои, об этом и думать нечего. Денег всю зиму и весну было так мало, и долгов, следовательно, накопилось так много, что если бы и послал оттуда бог, то им без конгресса нашлось бы 1000 мест. Павел, правда, уже заранее пустил на всякий случай подписку между студентами для посылки делегата, но выйдет ли что—не известно, пока не идет. Карманы студентов очень опустошены Цюрихской историей. Собирали на [народовольцев (?)], на дорогу им и проч. Роза экзамены-то сдала и теперь доканчивает, только что-то с диссертацией, но она рожать собирается и скоро, должно быть, соберется, а это похуже экзаменов: с грудным ребенком не много извлечет пользы из диплома, который тоже будет для одного Женевского кантона, да разве еще для Америки.

Проваляла несколько дней письмо, потому что узнала, что Пинхус писал об этом же, но нет вдохновения писать другое. Издания наши молчат и будут, вероятно, и впредь молчать, но Жорж с Павлом пишут в новом журнале «Социалист», под редакцией если не самого Полена, то его двойника: Раппопорт — очень похож. Программу, как сами увидите, взяли у нас, перефразировали лишь маленько и изложили дюжим языком. Но они предполагают, что сами дошли до нее; а соединяться намерения не имеют. Они называются «наследники Народовольцев», а пригласили в сотрудники. Редактор благосклонен, но строг, делает Жоржу внушения — даже насчет слога! Тот напустил на себя безграничную кротость — поправляет, объясняется.

Да и нельзя не быть кротким между массой националистических журналов («Свободная Россия», «Самоуправление», «Свобода», «Борьба» и старое «Общее Дело»). «Социалист» будет единственным и если бы не писать у них, Петр Лавров его бы тотчас же задавил, и Рус[ские] и друг. повернули бы. Он, Лавров, и то старается, ужасную написал статью для 1-го №. Гегеля легче понять, о чем он говорит, чем его.

Вы спрашиваете о Вишневецком. Кроме замеченных вами качеств, надо прибавить: страшный сплетник и в дела вносит сплетню и очень мелко-самолюбивое создание. Знаться-то с ним можно, но все же ухо надо держать востро. Самое сотрудничество Жоржа в «Социалисте» подорвет последнюю возможность что-нибудь издавать хоть изредка самим. Деньги будут к ним попадать. Оно и жалко, с одной стороны, а все-таки интересы социализма, так сказать, в России требовали согласиться.

Опять проваляла с неделю, пошлю уж-таки. У меня видимо-невидимо интересных вещей (и для Фаннички тоже скажу, что ей очень кланяется Дмитро) писать. Но теперь у меня напало вдохновение на статью для «Социалиста» для 2-го №. Пока пишу вот 3-й день, мне ужасно нравится то, что я пишу (в рассуждательном тоне), а после, понятно, разочаруюсь.

Да вы оба ведь и не заслужили, в сущности, чтобы писать вам большое письмо, молчали 100 лет.

Пока я валяла письмо, более или менее выяснилось, что денег на поездку Жоржа на конгресс не будет. Начинается у нас финансовый кризис. Воют кредиторы в Женеве. Сегодня получила отчаянное послание от мальчигов (очень милых), сидящих у нас на типографском хозяйстве в Женеве. По случаю вдохновения,

должно быть, проистекающего из прилежания, опять чувствую лихорадку и боль в спине. Я так и не выздоравливала ничуть все время. Крепко целую вас и Фанничку.

Ваша Вера.

IX.

Кларан. 1889.

Дорогой Сергей!

Кажется почти несомненно, что Жорж в Париж едет. Он уже с месяц, как в Женеве, у него родилась еще дочь. Пинхус тоже уже в своем кефире. Я продолжаю сидеть здесь и хворать.

Глупее «Борьбы» нету журнала, а хуже (в своем роде) ваша любезная «Свободная Россия». Чего бы Бланке разочаровываться? Сила, на которую он рассчитывал опереться, все росла с каждым годом, а не убывала. Как студент? От мужика-то, кажется, верно, остались одни лапти, но чтобы интеллигенцию повернуть к рабочим, этого что-то мало слышно в Одессе еще, да и то...

Ваша Вера.

Жорж уже принялся было метаться в полном отчаянии: хозяин было совсем окрысился, так как у него от жары все постояльцы разъехались в горы и держать одного неплатящего пансионера не было охоты. Но тут как раз получились деньги, 400 франков за Пруссию, пришлось уступить их Жоржевому хозяину, так как мои смиренные не заикаются о плате, и тот охотно отпустил его, хотя и недоставало несколько десятков франков. Мой адрес по-прежнему:

(Мэзон Сошар, Божии сюр Кларан, М-м Бельдински.)

Что это Фанничка давно ничего не припишет и даже не спрашивает о швейцарских сплетнях? Я теперь сижу здесь одна одиноконька (Лиза уехала в горы) и если бы еще совсем одна. Это бы еще отлично, а то здесь же в Божии обитают два отчаянных лгуна, с которыми вдобавок приходится ежеминутно встречаться, едва высунешь нос погулять. Один все тот же Л., которого вы, Фанничка, просили обругать вместо царя на вашей могиле, но еще ангел сравнительно с другой моей соседкой. Это сестра Павловских. Последних я знаю и ненавижу лишь по слухам, но, если они похожи на свою сестру, то вполне оправдывают все, что о них говорят. Такой ехидной и хвастливой лгуньи я от роду не видала. Сергей понять моего положения не может, — его не проберешь никаким обществом, но Фанничка так же нетерпели-

ва на этот счет, как и я, насколько мне помнится, а потому может вполне проникнуться ко мне сочувствием и написать мне утешительное письмо.

Крепко целую вас обоих.

Ваша Вера.

Х.

Милый Сергей.

Сейчас только вернулась из Морне, где пробыла неделю. Жорж опять заболел, кашель и лихорадка. Доктора (там, кроме Розы, еще два кончающих студента), положим, уверяют, что нет ничего опасного. Но все-таки он за несколько дней исхудал и ослабел, как после серьезной болезни. Лежит в постели. Ваше письмо Жоржу доставило удовольствие (и мне тоже). Чтобы вы согласились с программой, с марксизмом, который проводится в сборнике, этого мы и не ожидали, а похвалы его литературной стороне не могли не обрадовать, так как в этом отношении среди русских специалистов вы, без сомнения, самый компетентный критик.

Плехановых страшно осаждают кредиторы. Кроме долгов, оставленных Розой в Женеве (где она раза 3 в неделю бывает для своей науки), они уже в Морне, наверное, должны франков 700 или 800. Я не считала, но уверена, что не меньше. Они 3 месяца прожили там всей семьей в доме без сантима.

А ведь мы и американских фермеров и мелких собственников «сживем со свету» еще скорее, чем русских крестьян. Мне вот одновременно с вашим письмом, как нарочно, попала статья, где подробно описывается это. Они не находятся под властью демоса, но зато под сильнейшей властью конкуренции крупных компаний. Им уже не выгодно производить пшеницу, маис, становится невыгодно (не окупается труд) откармливать скот на убой. Их век совсем не долгий. А относительно социалистического строя, который удовлетворил бы одновременно Англию и Францию, думается мне, что англичанин и француз будут различно проводить свое свободное от работы время (которого будет все больше и больше), быть может, различно обставлять свои квартиры, производить для своего потребления одни больше других предметов, другие—других. Но самое производство, работа будет организована по одинаковому или очень сходному типу.

Как и теперь, несмотря на все различие всего строя Англии и России и Франции, ткацкая фабрика, например, занимающая столько тысяч рабочих рук, устроена в этих трех странах по одному типу. По одному типу будут, конечно, устроены и статистические бюро, цифры которых будут решать, чего в каком количестве следует производить и сколько часов работать. Статистика и теперь—наука международная. Словом, государственная (относящаяся к производству и распределению) жизнь всех стран должна становиться все однообразнее и однообразнее и сольется в одну систему для всех стран, а внегосударственная даже внутри одной страны, однако, гораздо все разнообразнее, как—теперь жизнь образованных высших (имеющих досуг) классов гораздо разнообразнее праздничного времяпрепровождения крестьян или рабочих. Это, конечно, непутное возражение, но [так] себе,—первые попавшиеся в голову вещи. Беспокоит.....

..... Жорж, хоть и уверяют доктора, что ничего. И сам он, кажется, перепугался, хоть и молчит. Был у нас на 5 дней Аптекман. Очень уцелел человек (его Фанничка хорошо знает, он ей велел кланяться), так же горячо всем интересуется, как и в старину. Воззрений, конечно, скорее вроде ваших, чем наших, придерживается, но чувствуется, что сделается отличным «злым марксистом», если проживет с полгода на немецких книгах. Он обещал приехать весной, кончит свои докторские экзамены. Он уже собственно кончит (в один год), но остались экзамены в Германии, а затем в России. Он уехал легально. Крепко целую вас и Фанничку.

Ваша Вера.

Относительно двух статей сборника о Тихомирове вы совершенно правы—не вяжутся.

XI.

(Божи [над Клараном].

(1889 г.)

Дорогой Сергей и Фанничка, последние дни лихорадка у Жоржа спала, осталась самая небольшая (меньше 38); он повеселел и начал есть. Очевидно, его мрачность основывалась главным образом на безнадежности, хотя я и твердила, что деньги будут, получим когда-нибудь достаточно денег, чтобы выбраться с семьей из Морне. Один переехать, оставя их в Морне, а не в Женеве,

не хотел ни за что на свете, да и сама Роза, видимо, боялась без него застрять там еще дольше. По крайней мере он повеселел и начал есть тотчас же, как я доставила им 300 франков (тотчас же расхвачанных кредиторами), присланных мне в подарок Лидой, женой [Н. Н.] Лопатина. С этими деньгами Розе переехать невозможно, но начало полочки (и тут же пришло письмо Фаннички, где она пишет, что скоро пришлете) настолько ободрило Жоржа и Розу, что она стала его уговаривать, и он согласился переехать в Божу и сейчас же ему стало гораздо лучше, совсем другой человек. Отправить его в какое-нибудь дорогое место вроде Давоза или Ниццы, думаю, не удастся из-за Розиных кредиторов. В прошлом году, он перед болезнью много зарабатывал, они порасплатились с долгами, а теперь долгов успели накопить бесконечное количество в Женеве, кроме Морне. Но если его хоть здесь удастся удержать, все же это лучше будет, чем в Женеве. Чтобы Розе выбраться из Морне, необходимо еще франков 500. И это необходимо и для Жоржа, если он скоро не выберется оттуда, он назад туда вернется и, наверное, ему опять станет хуже. Но сколько бы вы ни прислали им сразу сверх 500, почти все, наверное, уйдут кредиторам, поэтому хорошо бы, если бы сверх одновременной присылки, вы высылали Жоржу небольшими суммами, которые Розе для кредиторов не важны и, поэтому, он уплачивал бы ими здесь свои счета (которые подают еженедельно). В прошлую весну он прослыл таким скверным плательщиком, что к нему теперь здесь не особенно доверчиво относятся. Если только возможно, то пришлите и мне лично и специально хоть франков 100. За это время я тоже попала в порядочные тиски. И здесь должна еще немного с лета и из Женевы пришлось уехать теперь, не объяснившись с хозяйкой, оставя за собой комнату, как будто тотчас же вернусь, а между тем следовало бы мне остаться здесь хоть с месяц, пока не явится полной уверенности, что лихорадка не вернется, так как оставаться ему совсем одному с сильной лихорадкой, конечно, скверно. Очень может быть, милый Сергей, что я вам слишком много денег нараписывала, но вы, конечно, не будете за это в претензии, а просто пришлете меньше, сколько можете. Вы и без того в прошлом году один помогли нам. Без вас Жоржа и на свете уже бы не было. Крепко целую вас и Фанничку.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
От Комитета и Редакции	5—7
Признательность	8
✓ Л. Г. Дейч.—Первые шаги группы «Освобождение Труда»	9
Г. В. Плеханов.—А. Н. Радищев (посмертная рукопись)	50
В. В. Позднякова Плеханова.—Детство и отрочество Г. В. Плеханова	83
✓ Р. М. Плеханова.—Наша первая встреча с Ж. Гедом	95
Е. Н. Иенатова.—Братья В. Н. и И. Н. Игнатовы (воспоминания сестры).	101
✓ О. К. Буланова.—«Черный Передел»	112
И. Гецов.—Типография «Черного Передела»	123
✓ Фр. Энгельс.—Письма к В. И. Засулич	133
Г. В. Плеханов.—Письма к С. Кравчинскому	145
✓ Л. Г. Дейч.—Письма к П. Б. Аксельроду	148
В. И. Засулич.—Письма к С. Кравчинскому	200
✓ С. Кравчинский.—Письма к В. И. Засулич	215
✓ Л. Тихомиров.—Письма к П. Л. Лаврову	245
✓ Ю. Сергеев.—Ушедшие (И. Аксельрод, Б. Гинсбург, А. Любимов, д-р Н. Васильев, А. Зон и Б. Цетлин)	256
Л. Г. Дейч.—Три свежие могилы (А. Успенская, А. Зунделевич и П. Моисеенко)	270
Л. Д.—Смерть Ленина	276
✓ Е. Н. Ковальская.—Печальное недоразумение	278
✓ С. Я. Вольфсон.—Вокруг Плеханова (литературное обозрение произведе- ний о Г. В. Плеханове в 1923 г.)	282
Алфавитный указатель имен	305

ФОТОГРАФИИ: группа «Осв. Тр.», портреты В. Н. и Е. Н. Игнатовых и факсимиле писем Фр. Энгельса.